„Socialistitcheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 18 (422)
18-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год—6 долл., за ½ г.—3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за год—150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г.—40 фр. За перем. адр.—1 фр. Конт. я ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris.
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

30 Сентября 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Ко всем членам партии

Мир снова стоит над бездной войны.

Гитлеровский империализм считает, что наступило время для утверждения его господства на европейском континенте и для разрушения всех тех демократических барьеров, как Чехословакия, которые преграждают ему путь на юг и на восток Европы. Его наступление ставит перед всеми демократическими государствами и перед трудящимися массами ребром вопрос о рабском подчинении диктатуре фашистского блока или о решительном отпоре ему ради спасения мира — даже с риском, что преступный блок попытается обрушить на человечество новую ужасную войну.

Перед лицом этой новой кровавой и разрушительной войны РСДРП зовет пролетариат Сов. Союза и всего мира **всеми силами содействовать поражению главного и непосредственного виновника чудовищной катастрофы** — международного и, особенно, **германского фашизма.**

Конечно, рабочий класс не может и не должен забывать той **исторической ответственности,** которую несут те классы и группы **капиталистического общества** всех стран, своекорыстие и империалистические интересы которых привели к завершению войны 1914-го года насильническим миром. На этих группах и классах лежит вина за распад мировых экономических связей, за небывалый кризис, в тисках которого бьется мир, за рост национализма, шовинизма и варварства, за крушение возникших было после войны демократических режимов, за торжество и возрастающую агрессивность фашизма и, тем самым, за новую военную катастрофу.

Жестокие уроки прошлого свидетельствуют, что лишь **социализм** способен дать человечеству мир, основанный не на попрании территориальных, национальных, экономических и политических интересов побежденных, а на равноправии и свободном союзе всех племен и народов. И те-же уроки напоминают трудящимся массам, что лишь в той мере, в какой им удастся стать **руководящей силой** в ведении новой грядущей войны, война эта сможет быть закончена победоносно и привести к миру, который сможет спасти человечество от кровавого круговорота, превращающего каждую законченную войну лишь в пролог войны новой и еще более ужасной.

Призывая рабочий класс всеми силами содействовать поражению фашизма, социализм стремится **не к победе и насилию над Германией, Италией или какой-либо другой страной, а к победе над фашизмом** как застрельщиком самой варварской реакции, самого беспощадного подавления свободы, самого жестокого насилия, и прежде всего насилия над трудящимися тех стран, которые ему удалось раздавить своей пятой. Под знаменем **социалистической борьбы против фашизма** могут и должны сплотиться трудящиеся всех стран без исключения, чтобы сделать **победу над фашизмом** своим общим делом!

Но не забывая ни общей ответственности капитализма за войны, ни общих преступлений его, рабочий класс не может и не должен забывать, что лишь через труп фашизма, как выразителя самой реакционной и варварской формы капитализма, и, особенно, через труп германского фашизма, как самой главной и руководящей силы фашистского блока и самого непосредственного виновника войны, лежит путь к свободе, к миру, к социализму. Победа фашизма в развязанной им же войне надолго закрыла бы этот путь. Его пораже-

ние, освобождая от оков порабощенные им народы, освободит и народы всего мира от нависшего над ними кошмара, сможет стать прологом их социального освобождения. Поэтому — **все для поражения фашизма и стран фашистского блока! Все для победы тех сил, которые будут ему противостоять!**

Среди стран, наиболее угрожаемых фашистской агрессией, находится наша родина, **Советский Союз.** РСДРП вполне отдает себе отчет в том, что победа фашистского блока (Германия, Италия, Япония) над Советским Союзом, хотя бы и возглавляемым сталинской диктатурой, была бы подлинной катастрофой не только для народов Союза, но и для трудящихся всего мира. Поэтому РСДРП призывает трудящихся Советского Союза **встать на защиту Союза от фашистского нападения.**

Но в то же время для РСДРП не подлежит сомнению, что **террористический режим сталинского единодержавия,** дезорганизующий и хозяйственную, и военную мощь страны, подавляющий самодеятельность населения и вызывающий все возрастающее возмущение широких рабочих и крестьянских масс, не только помешал бы использованию победы над фашизмом в духе и интересах демократии и социализма, но в самом ходе войны неизбежно оказался бы фактором, **крайне ослабляющим шансы Советского Союза на победу.** Поэтому, призывая трудящихся Советского Союза **к решительной и энергичной военной обороне его,** РСДРП зовет их в то же время неустанно бороться за **замену сталинского единодержавия демократическим самоуправлением народа.** Само собой разумеется, что в своей борьбе против сталинского единодержавия трудящиеся Советского Союза должны будут точно так же применять **лишь такие формы и методы борьбы, которые не умаляют обороноспособности Союза** и не ослабляют шансов на поражение фашистского блока, как должны будут делать это трудящиеся всех других стран антифашистской коалиции в своей борьбе против капиталистической реакции.

Против фашизма! За демократию и социализм! — под этим знаменем зовет РСДРП трудящиеся массы сплачиваться в навязанной им фашистскими преступниками войне. Под этим знаменем должны все члены партии в Советском Союзе **вложиться в дело усиления его боеспособности.** Под этим знаменем должны русские социалдемократы в странах анти-фашистской коалиции **ставить все свои силы на обслуживание войны** — в теснейшем контакте с братскими партиями этих стран и в тех формах, которые им эти партии укажут.

Париж, 27 сентября 1938 г.

Заграничная Делегация РСДРП.

Ф. ДАН.

Война?!

От редакции. — Номер был уже сдан в печать, когда пришло сообщение о конференции в Мюнхене. Читатель должен учесть, что статья тов. Дана писалась совершенно в иной международной конъюнктуре, поэтому, сохраняя свое принципиальное значение, статья эта лишается для данного момента актуального характера.

В день 28 сентября, когда пишутся и идут в набор эти строки, уже бесконечно далеким кажется тот вихрь драматических и полных исторического значения событий, который промчался перед нашими глазами за две недели, протекшие со времени выхода в свет последнего номера нашего журнала. Волнующие полеты Чемберлена в Берхтесгаден и Годесберг. Навязанные Чехословакии «неодолимым давлением» англо - французские предложения. Вступление в игру Польши и Венгрии и ответная реакция СССР, Румынии и Югославии. Гитлеровский «меморандум» и его отклонение как англо-французской коалицией, так и Чехословакией. Послание Рузвельта и все учащающиеся мобилизации — общая в Чехословакии и, хоть частичные, но весьма внушительные во Франции, Англии, Польше, Венгрии, Бельгии и ряде других стран, — все это уже превзойденный этап развития. Сегодня над всем господствует один факт, как молотом бьющий по сознанию: в 2 часа дня истекает срок ультиматума, поставленного Гитлером чехословацкому правительству, и если к этому сроку он не получит «удовлетворительного» ответа, то «примет необходимые меры».

«Удовлетворить» Гитлера могла бы лишь полная капитуляция Чехословакии, если не номинальный, то фактический отказ ее от государственной независимости и переход ее в орбиту гитлеровского империализма: в этом действительный смысл его «меморандума» и предлагаемой этим меморандумом, в противоположность англо-французским предложениям, «процедуры». Но именно на эту претензию его и Чехословакия, и англо-французский блок уже ответили решительным отказом, и нет никакого основания думать, чтобы они могли сменить этот отказ на согласие, т. е. на акт государственного и национального самоубийства. И так как, с другой стороны, трудно считать нынешнее заявление Гитлера простым блэффом, трудно допустить, чтобы он так легкомысленно играл с огнем, на котором может сгореть не только его режим, но и его драгоценная персона, то, значит, сегодня в 2 часа германский фашизм приступит к «необходимым мерам». Значит, сегодня в 2 часа германская армия, уже месяц тому назад поставленная на военную ногу, а вчера будто бы и официально мобилизованная, начнет двигаться к границам Чехословакии. И так как на стороне Чехословакии будет связанная с нею договором Франция, а рядом с Францией Англия и Советский Союз, то это значит, что, если не случится «чуда», то сегодня в 2 часа дня начнется европейская и мировая война...

Трудно думать, что таким чудом сможет оказаться новое выступление Рузвельта с предложением созыва конференции. Таким чудом могло бы быть лишь быстрое и решительное устранение Гитлера от власти. Но расчитывать на такое устранение в порядке народной революции решительно невозможно: для германской революции условия с каждым днем все больше созревают, но еще далеко не созрели. Найдется-ли у ближайшего окружения диктатора достаточно понимания и решимости, чтобы в последнюю минуту устранить в порядке переворота опьяненного всевластием и кровью безумца, который влечет к пропасти и свой собственный режим, и страну, во главе которой поставила его ужасная гримаса истории? Это — вопрос, на который в данную минуту никто ответить не может. Но, если «чуда» не случится, то война неизбежна. И в этом случае народы всего земного шара должны запомнить: имя преступнику, ввергающему человечество в кровавую бездну и обрушивающему на него страдания, которые трудно представить себе самому пылкому воображению, — ф а ш и з м!

В навязываемой фашизмом войне окопы не могут

не должны делить трудящихся на враждующие друг с другом отряды. Трудящиеся *всех* воюющих стран, по *обе* стороны окопов, могут и должны об'единить свои усилия в стремлении к *единой цели: к разгрому фашизма*. Из вызванной им войны фашизм должен выйти разбитым на голову, стертым с лица земли! Не расчленение Германии, Италии, Японии или какой-либо иной страны, хотя бы и придавленной железною пятою фашизма, не насилие над ними, не новый «Версаль» являются целью войны для рабочего класса. Его *действительною и единственною целью войны*, способной об'единить в одном и том-же порыве чувств пролетариев Германии, Италии и Японии с пролетариями Франции, Англии, Чехословакии и Советского Союза, может и должен быть лишь *разгром фашизма, как самой варварской формы упадочного капитализма, как злейшего врага не только трудящихся, но человеческого прогресса вообще, как смрадной исторической проказы, которую надо выжечь огнем, чтобы оздоровить общественные отношения и получить возможность двигаться к свободе и социализму!* Вот цель, большая, великая цель, ради которой трудящиеся всех стран могут и должны всеми силами стремиться к *военному разгрому* фашизма, раз что сам фашизм захотел связать свои судьбы с судьбами им подготовленной, им навязанной войны.

Теперь уже поздно говорить о том, как облегчена была фашизму подготовка войны тою колеблющеюся и робкою политикою, которую вели противодействовавшие ему державы, и как, быть может, совсем иною была бы историческая картина, если бы та *борьба за мир*, которой неустанно требовал и которую неустанно вел социализм, и правительствами этих держав велась теми методами, которых требовал социализм и которые одни лишь могли действительно привести к миру, поставив фашистских диктаторов на колени.

Но необходимую твердость эти правительства проявили лишь тогда, когда уже многое было непоправимо испорчено безнадежными попытками столковаться с диктаторами и успокоить их уступками. Эта твердость была проявлена лишь тогда, когда стало уже невозможно скрывать ни от себя, ни от других, что дело идет вовсе не о «самоопределении судетов», на которое Гитлеру в высокой степени наплевать, почему и самые совершенные формы этого самоопределения «удовлетворить» его никак не могут, а о том, чтобы Чехословакию, которая до сих пор была бастионом, преграждавшим германскому фашизму путь на Балканы и дальше к «мировым» просторам, превратить так или иначе в открытые ворота для его победоносного шествия. Здесь именно наступает момент, когда дипломатическую игру в предложения и контр-предложения приходится прекратить, когда одна из сторон должна ясно и недвусмысленно *уступить*. Именно поэтому сегодня в 2 часа и будет поставлен без обиняков вопрос: мир или война? — вопрос, на который, поскольку позволяет судить человеческое предвидение, будет дан ужасный ответ: война!*).

*) В последнюю минуту издающаяся в бывшем австрийском Граце и потому, видимо, недостаточно еще «униформированная» национал-социалистическая газета «Тагеспост» выболтала-таки тщательно скрываемую от одураченных масс истину, что дело вовсе не в освобождении угнетенных судетских братьев, а в том, что Германии, в интересах ее внешне-политических целей, нужно подчинить своему влиянию Богемию и для этого устранить с пути препятствие, представляемое Судетскими горами, и создать для себя плацдарм по ту сторону этих гор: «плацдарм, которым Рейх распоряжается или который, что предпочтительнее, включается в Рейх».

Само собою разумеется, что не только в методах борьбы за мир, — и в методах ведения войны не может не сказаться социальная природа правительств, стоящих во главе стран анти-гитлеровской коалиции. И они сознают, как только что сказал в своей речи Чемберлен, что вести народы на войну можно только во имя «великих целей», и что, как бы велики ни были симпатии к малым народам, защита одного из них от насилия более могущественного соседа никоим образом такою целью быть не может. Но такою целью может и должна быть, с точки зрения Чемберлена, борьба против государства, которое хочет «силою утвердить свое *господство над миром*». И эти слова Чемберлена бросают как нельзя более яркий свет на те «цели войны», которые будут ставить себе и он сам, и другие представители буржуазии в правительствах анти-гитлеровской коалиции.

Со стороны рабочего класса было бы, разумеется, чистейшим утопизмом ожидать, что капиталистическая буржуазия этой коалиции будет ставить себе те-же цели войны, что и он сам. С его стороны было бы политическим самоубийством «бургфриденская» капитуляция перед чуждыми ему целями. Но еще в большей степени был бы политическим самоубийством отказ его всячески содействовать военному разгрому Гитлера на том основании, что войну против него начинают правительства, не ставящие и не могущие ставить себе пролетарских, социалистических целей.

Различие целей войны не может и не должно помешать рабочему классу принять самое деятельное и, если нужно, даже правительственное участие в том, что составляет *общий* интерес — в самой энергичной подготовке *военного поражения* Гитлера, которое, раз что он вызвал войну, составляет непременное условие смертельного *политического поражения* этого застрельщика и главной силы фашизма мирового. Рабочий класс должен лишь ни на минуту не забывать об этом различии целей войны. Он должен ни на минуту не свертывать своего собственного знамени. Всеми силами содействуя военной победе анти-гитлеровской коалиции и участвуя ради этого в правительстве, он должен стремиться стать *руководящей* силой в ведущем войну правительственном блоке, силой, которая все больше сама берет в свои руки ведение войны и сама определяет ее цели. Рабочий класс должен стремиться стать в войне признанным выразителем и руководителем *нации*, ибо лишь неразрывная связь *национального* освобождения с освобождением *социальным* может обеспечить в этой войне победу над фашизмом.

Ибо только под знаменем пролетарских, социалистических целей войны может подняться навстречу народным массам стран анти-фашистской коалиции ответная революционная волна в фашистских странах, которая сделает разгром фашизма полным и неизбежным и откроет путь социалистическому освобождению трудящихся всего мира. Только это знамя освятит и оправдает те моря крови и слез, которые будут пролиты трудящимися, подымающимися для отпора фашистскому варварству. И только под этим знаменем слова о «последней» войне перестанут, наконец, быть обманом или самообманом.

Величайшее преступление совершает в этот исторический момент фашизм. Величайшие жертвы налагает он на народные массы. Преступление фашизма может быть покарано лишь его смертью, смертью того строя эксплуатации, насилия, варварства, последним и отвратительным защитником которого он является. Жертвы народов могут быть оправданы и увенчаны лишь их социалистическим освобождением, несущим исстрадавшемуся человечеству благосостояние, свободу и мир.

Р. АБРАМОВИЧ.

Социалистический Интернационал и опасность войны

В момент, когда мир с неудержимой силой катится к кровавой катастрофе, от которой его спасти может только еще чудо, и на карту ставится вся будущность человеческой цивилизации, все более острое значение приобретает вопрос о той роли, которую организованный социалистический пролетариат всего мира будет играть в грядущих событиях. Ибо, если человечеству суждено, подобно Фениксу, наново возродиться из пепла мирового пожарища, то это возможно только в том случае, если, как идейная и моральная сила, как духовный хребет нового человечества сохранится мировой социализм — это высшее воплощение гуманности, свободы и демократии, этот прямой антипод брутального, кровожадного, деспотического фашизма, приведшего мир к краю гибели.

С чем же входит мировой социализм в эпоху новой мировой войны, если она разразится? Каково внутреннее состояние организованного пролетариата в этот критический момент?

В основе того гигантского международного столкновения, которое назревает сейчас, лежат, по существу, те же «геополитические» конфликты, то же наступление неудовлетворенного, молодого, агрессивного империализма, прежде всего — германского, на более старые насыщенные мировые империи, — что и в 1914 г. Вед не случайно же, что и расстановка держав в надвигающемся мировом конфликте остается, несмотря на все гигантские внешне-политические перемены и внутри-политические и социальные перевороты, происшедшие за последние 25 лет, в основном той же, что и в 1914 г. На одной стороне так наз. «центральные державы» (Германия, Австрия, Венгрия и их возможные, более мелкие «спутники»), на другой — старые страны «Антанты» — Россия, Франция, Англия и их сателлиты: чехи, югославы, румыны. То обстоятельство, что Италия и Турция вероятно поменяются местами, ничего не меняет в основном характере этого «геополитического водораздела». Играется, после паузы в 20 лет, как-бы второй акт все той же всемирноисторической драмы — борьба Германии и других «неудовлетворенных» стран за новый «передел мира», за нефть, сырье и хлеб юго-восточной Европы, за «путь на Багдад», за колонии, за мировую гегемонию.

И тем не менее, при всем сходстве геополитической обстановки, какая гигантская, принципиальная разница в возможных перспективах этой гигантской схватки с точки зрения социалистического пролетариата:

В 1914 г. основные державы, составлявшие обе враждебные коалиции (кроме России на одной стороне и Турции на другой), были по своему внутреннему существу, при всех политических, экономических и культурных различиях, категориями одного порядка: то были в большей или меньшей степени демократитизированные парламентарно - конституционные капиталистические страны, характеризуемые сильным ростом и промышленного капитализма, еще «свободного», хотя в значительной степени уже монополистического, и свободного социалистического рабочего движения. Германия и Австро-Венгрия 1914 г. в этом смысле не отличались принципиально от Франции, Бельгии или Англии. С этой точки зрения и победа той или иной коалиции не меняла принципиально облика мира.

Ф. ДАН.

Версальский мир и мир Берхтесгаденский

Весь мир живет уже неделями в лихорадочном ожидании событий, которые могут предрешить на десятилетия, если не на столетия, судьбы нашей планеты. Изо дня в день и с раннего утра до поздней ночи вихрь фактов и слухов ударяет по нервам, внося все новые и новые штрихи в общую картину международного положения и меняя ее конкретные очертания.

В такие дни чрезвычайно трудно сосредоточить свое внимание на общих, принципиальных вопросах, на том, что «реалисты» политики так охотно дискредитируют презрительной кличкой: «философия». Да, трудно, но и более, чем когда-либо, необходимо! Ибо «философия», т. е. общая, принципиальная концепция, реальную свою ценность и приобретает полностью в дни, когда, по гегелевскому выражению, происходит «перерыв постепенности» в общественном развитии, и само это развитие принимает катастрофический характер, как принципы стратегии приобретают свое полновесное значение тогда, когда армия идет в бой, а не тогда, когда она предается маневрам и мирным упражнениям в тыловых казармах или несет сторожевую службу. Как забвение принципов стратегии в войне неизбежно приводит к увлечению непосредственными, тактическими успехами, которые в своей совокупности подготовляют тягчайшее военное поражение, так игнорирование «философии» в «раскаленной атмосфере» катастрофических событий и сдвигов способно лишь породить близорукий «практицизм» или истерическое приспособление тактики к ежеминутно меняющимся внешним очертаниям ситуации, одинаково подготовляющие, в погоне за непосредственными, но преходящими и потому мнимыми успехами, тягчайшее поражение политическое.

Об этом как нельзя более внушительно напоминает новая вспышка абсолютного «пацифизма», так ярко проявившаяся в рядах Социалистического Интернационала за последние дни и недели — особенно в бельгийской и французской партиях.

Социалистическому Интернационалу нелегко дался разрыв с этим пацифизмом, который явился неизбежным идеологическим выводом из тяжелой истории международного социализма за годы мировой войны, но который исторически отжил свой век с того момента, как приход к власти Гитлера в одной из самых развитых стран капитализма неопровержимо доказал, что фашизм в такой же степени открывает собою новую страницу в истории развития всего капиталистического мира, в какой в свое время открывала такую, ны-

Боровшиеся между собой в 1914 г. коалиции держав были принципиально почти равноценны с точки зрения социалистического пролетариата. И та и другая коалиция были группировками капиталистически и империалистических держав, из которых каждая имела за собой в прошлом немало грехов, и преследовала в будущем немало захватнических и империалистических целей. Если коалиция центральных держав руководилась молодым и напористым империализмом вильгельмовской Германии, то в коалицию держав Антанты входила и Англия со своей всем известной колониальной историей, и Франция с Марокко и Индо-Китаем, и Россия, ведшая захватническую политику в Персии, в Центр. Азии, на Дальнем Востоке и т. д. Если с точки зрения чисто-политической английская и французская демократии были в глазах социалистических рабочих всего мира куда выше полу-феодальных монархий германской или австро-венгерской, то на стороне Антанты боролся ведь и русский царизм — этот жандарм Европы. Это не мешало социалистам тех или иных стран, проникнутых национальными эмоциями и патриотическими стремлениями, конструировать разницу в перспективах победы одной коалиции по сравнению с другой (немецкие социал-патриоты ожидали светлого будущего для мира от крушения русского царизма, социал-патриоты Антанты считали более прогрессивной победу французского и английского парламентаризма над трехклассным избирательным правом Пруссии). Но с точки зрения не только циммервальдистов и интернационалистов, но и очень многих умеренных социалистов, эта разница была не столько качественной, сколько количественной.

Совершенно иное, принципиально иное, положение создается теперь, перед лицом надвигающейся ныне военной опасности.

За после-военные годы в Европе, в первую очередь под влиянием войны и ее последствий, вырос и превратился в огромную силу новый в истории человечества фактор — режим современной тоталитарной диктатуры. Агрессивный германский империализм, разбитый в войне 1914-18 гг., возродился в той форме, в какой только и мог воскреснуть из мертвых, — в форме гитлеровской диктатуры со всеми ее, нам хорошо известными аттрибутами. Рядом с ним стоит фашизм итальянский, хронологически хотя и возникший раньше немецкого, но политически и идеологически все больше и больше подчиняющийся гитлеризму и все больше ассимилирующийся с ним.

Этот исторический факт в корне меняет для мирового рабочего класса всю ситуацию.

Если в войне 1914-18 гг. конечная победа центральных держав, сопровождающаяся расчленением России, Балкан, Бельгии, и отторжением колоний от Англии и Франции, и принесла бы, вероятно, много страданий, прежде всего национальных, территориям, подпавшим под власть Пруссии или Австро-Венгрии, то все же, судя по прецеденту Эльзас-Лотарингии, судьба аннектированных областей или колоний принципиально не отличалась бы от их существованиня в составе прежних империй.

Но пусть кто-нибудь попытается реально представить себе жизнь чужеземных территорий, подпавших под ярмо нынешней расистской, национал - социалистической, потерявшей всякий человеческий облик гитлеровской диктатуры, с ее тоталитарным режимом, с ее теорией высших и низших рас, с ее методами господства.

Победа фашизма и гитлеризма — это фактическое истребление цвета человечества, духовное и физическое рабство, неизмеримо худшее, чем рабство классической древности, моральная смерть, и — прежде всего — окончательная гибель и конец социализма, свободы, демократии, — всего, чем живет сознательный рабочий класс.

Если в 1914 г. можно было спорить о сравнительных преимуществах или недостатках воюющих коали-

---

не переворачивающуюся страницу Великая Французская Революция.

Когда въ конце 1935 года появились сначала тезисы «четверки» (Бауэра и др.), намечавшие новые принципы военно - политической стратегии пролетариата применительно к той конкретной международной ситуации, которая имелась в то время, а затем тезисы нашей Заграничной Делегации, вскрывавшие «философию» тезисов «четверки», т. е. формулировавшие ту общую концепцию, которая лежала в их основе, и те принципы, которыми, как бы ни менялась конкретная ситуация, должен руководиться социалистический пролетариат при выработке своей военной политики в новую историческую эпоху, — эта попытка «активизации» социалистической военной политики была встречена огромным большинством партий Интернационала в штыки: «военная комиссия», которая, по предложению Бауэра, была образована в марте 1936 года, имела одно заседание в мае того-же года и затем — мирно почила.

Но неумолимые факты, именно условиями новой эпохи и рожденные, все громче говорили за «тезисы» и, главное, бесконечно успешнее, чем «тезисы», пробивали все новые и новые бреши в стене устаревшей «пацифистской» идеологии. События в Абиссинии и плачевная история санкций; события в Испании и еще более плачевная история «невмешательства»; события в Китае и безнаказанность японского агрессора; события в Австрии и позорная выдача ее на с'едение Гитлеру теми, кто именно от Гитлера и «гарантировал» ей «государственную независимость»; и, наконец, незаконченная еще драма Чехословакии, — все эти события показали, насколько радикально изменился мир со времени последней войны: социалистический пролетариат вынужден был требовать серьезного проведения санкций, открытой помощи республиканской Испании, действительной защиты Китая, реального осуществления политики «коллективной безопасности», противоставления силе фашистских агрессоров силы мирных держав, словом — риска войною, как единственного шанса на сохранение мира, и активного военного отпора фашизму, если он все-же войну развяжет; и, наоборот, «мир во что бы то ни стало!» — этот лозунг крайних пролетарских пацифистов, клеймившийся буржуазией, как «измена», в последнюю войну, стал теперь все больше становиться лозунгом всей капиталистической буржуазии, даже буржуазии тех стран, империалистические интересы которых, казалось-бы, наиболее грубо попираются воинствующим фашизмом. Капиталистическая буржуазия не только как будто перестала быть классом, своекорыстие которого гонит народные массы на бойню, но она пытается еще, и не всегда безуспешно, оклеветать перед этими массами социалистов, как якобы «подстрекателей к войне»! Как мог перед лицом таких фактов устоять в неприкосновенности добрый, старый социалистический «пацифизм»? И он не устоял. Тем неожиданнее кажется поэтому его нынешнее возрождение.

Что в обстановке вплотную надвинувшейся военной опасности, когда уже производится, пусть частичная,

ций, если между ними вообще было возможно сравнение, — то создающиеся коалиции 1938 г. в своих основных государствах между собою попросту несоизмеримы. Фашистский блок — не относительное, а абсолютное зло, борьба против которого не на жизнь, а на смерть, является обязанностью, естественной реакцией всякаго не утерявшего элементарного человеческого чутья социалиста, демократа или даже просто либерала. Это обстоятельство — невозможность колебаний в выборе! — чрезвычайно облегчило и упростило положение в мировом социализме и внесло в него ту ясность и то единство настроения, которых не было в 1914 г. Гитлеризм и руководимый им блок, несущий рабство и средневековье для всего мира и смерть для демократии и социализма, представляет собою столь для всех очевидное зло, что нет ни одного отряда социалистического пролетариата, ни в странах анти-фашистской коалиции, ни в странах самого фашизма, который всем сердцем не желал бы поражения фашизма в грядущей войне.

Все соц. партии, да и все другие классовые рабочие организации, без исключения оказываются по одну сторону будущего фронта мировой войны. В вопросе о том, на чьей стороне стоять, создается для Интернационала то идеальное состояние единодушия, о котором мечтал Ф. Адлер, — одна из самых трагических фигур раскола 1914 г.! —, в своих знаменитых статьях об «Интернационале и Войне» 1929 г.

Наиболее яркую иллюстрацию к этому положению дает резолюция, принятая почти единогласно в марте 1938 г. в Париже, на совместном заседании РСИ и Межд. Фед. Проф. Союзов:

> События последних дней должны были рассеять последние иллюзии. Они бросили яркий свет на планы фашистских правительств и показали, с какой молниеносной быстротой Гитлер и Муссолини умеют осуществлять свои замыслы...
>
> ...Армии фашизма закрепились прочно на Дунае, под Пиренеями, в Африке, на Балеарах, **непосредственно** угрожая Чехословакии, но на самом деле являясь опасностью для **всех** государств, в особенности для Франции. **Вся Европа стоит под угрозой попасть под ярмо фашизма,** который обречет ее на нищету и рабство. Вот ситуация, которая создалась в результате ряда лет ошибок и страха.
>
> В эту трагическую минуту оба Интернационала не могут ограничиться тем, что они снова **формулируют принципы,** которыми они всегда руководились в своей деятельности и которые так блестяще были подтверждены событиями: они призывают свои организации к **действию:**
>
> 1. Они призывают организации пустить в ход все имеющиеся в их распоряжении меры вплоть до самых энергичных, чтобы добиться прекращения политики «невмешательства» по отношению к Испании...
>
> 2. Интернационалы призывают все свои секции усилить акцию рабочей солидарности с испанскими товарищами для того, чтобы поднять ее на ту высоту, какая диктуется современными обстоятельствами...
>
> 3. Оба Интернационала и все примыкающие к ним организации немедленно предпримут все зависящие от них меры для того, чтобы экономическая и политическая независимость Чехословакии была эффективно гарантирована точными и определенными обязательствами, и прежде всего обязательствами Великобритании и Франции.
>
> Они будут действовать в то же время и в том направлении, чтобы страны Европы, решившиеся защищать действенно свою свободу методом коллективной безопасности, обязались взаимно и немедленно, путем свободного договора, заключенного на равных правах и на основе пакта Лиги Наций без различия великих и малых стран, оказывать друг другу в случае агрессии содействие при помощи всех имеющихся в их распоряжении средств, включая и средства военного характера...
>
> Оба Интернационала полагают, что еще и в данный последний час мировой войны можно избежать, если все пролетарские и демократические силы возьмутся за дело без замедления и с необходимой силой...

И тем не менее, было бы вредной иллюзией закрывать глаза на те, идущие вразрез с выше приведенной резолюцией настроения, которые, как показал опыт последних трагических недель, находят себе выражение в известных слоях пролетариата во многих странах.

мобилизация и принимаются предвоенные меры, миллионы людей в ужасе отшатываются от занесенной над ними косы смерти и у миллионов матерей и жен сердце сжимается в страхе перед участью, ожидающей их близких, и охватывается жгучею, нерассуждающею тоскою по мире, — это человечески понятно и неизбежно: этот массовый «пацифизм» не нуждается ни в оправдании, ни в об'яснении. Точно так же вполне понятно и естественно, что социализм, вопреки всем клеветам о его кровожадной воинственности, до последней минуты делает все, что в его силах, чтобы спасти мир.

Но что целые социалистические партии, группы или течения в своей законной и необходимой борьбе за мир внезапно забывают о всех уроках последних трехчетырех лет и, ради спасения мира, хватаются за ту самую капитуляцию перед агрессивным фашизмом, которую они сами-же так часто и убедительно обличали, как подлинный источник наростания военной опасности и как политику, делающую военную катастрофу неизбежной и в то же время в максимальной степени разрушительной, — этот рецидив абсолютного пацифизма может быть об'яснен лишь тем, что выветривание старой пацифистской идеологии совершалось чисто эмпирически, не опираясь ни на какую «философию»: эволюция социалистического сознания от догматического пацифизма к «активному интернационализму», какъ назвал однажды т. Аустриакус новую военную политику пролетариата, намеченную «тезисами», — эта эволюция, закрепленная, казалось, чуть не единогласно принятой резолюцией совместной конференции Социалистического и Профессионального Интернационалов в марте 1938 года, оказалась во многих случаях неустойчивой потому, что под нее не было подведено никакого обобщающего фундамента, что она осталась «бесперспективной», не опиралась на осознание нового, социально революционного характера новой эпохи и вытекающих отсюда новой расстановки социальных сил на международной арене и нового социального смысла возможных войн. Эволюция политической практики не сопровождалась эволюцией теории. Изменение сознания не поспевало за изменением бытия.

Что былой догматический пацифизм сменялся зачастую лишь чисто эмпирическим и потому не менее догматическим «активным интернационализмом», — это как нельзя лучше можно видеть по той аргументации, которою пытаются обосновать свою позицию рецидивисты пацифизма. С этой точки зрения весьма характерны рассуждения «Социалиста», органа группы французских товарищей, возглавляющих Сенскую Федерацию партии и, в свою очередь возглавляемых П. Фором и Севераком, т. е. товарищами, принадлежавшими в прошлую войну к «интернационалистскому» меньшинству партии.

Основным стержнем аргументации (см. «Социалист» от 15 сентября) является указание, что социализм всегда обличал Версальский мирный договор, как орудие насилия победителей над побежденными, и потому всегда требовал его пересмотра. Так неужели-же теперь, когда судетские немцы хотят отделиться от Чехослова-

Наивный, поистине «поповский» пацифизм Ленсбэри и его друзей в Англии; псевдо-революционный «нейтрализм» Марсо-Пиверовского или троцкистского типа во Франции и в Соед. Штатах; не желающее «вмешиваться в борьбу капиталистических стран между собою» «правое» непротивленчество в некоторых соц. кругах Франции, предпочитающее даже гитлеризацию Европы войне с «неизбежной гибелью всей цивилизации», — изоляционистские настроения, восторжествовавшие в бельгийской партии (см. ее последние резолюции) и распространенные также в скандинавских странах, эти настроения, под какими бы соусами они ни преподносились, являются разновидностями того душевного раздвоения, того противоречия между «ближним» и «дальним», — между политической логикой и инстинктом самосохранения человечества, о котором мне уже приходилось говорить в своей статье «У Рубикона» («Соц. Вест.» № 17, 1938). Как бы по-человечеству ни были понятны и законны эти настроения и колебания, они политически и об'ективно, независимо от идеологической оправы, являются ничем иным, как различными формами и оттенками **капитуляции пред наступающим фашизмом.** И в этом их чрезвычайная потенциальная опасность. Если б эти настроения восторжествовали в рабочих массах Европы в эти решающие дни, если-б этот близорукий «пацифизм» рабочих масс сомкнулся с аналогичными, но уже фашистски-окрашенными настроениями известных буржуазных кругов, — то это означало бы на деле не спасение от войны, а ее приближение и обострение или же — «мирную» фашизацию всей Европы.

Борьба с этим опасным и анти-социалистическим лжепацифизмом, упорное и энергичное раз'яснение широким рабочим массам, что, борясь против расчленения Чехословакии или Испании, или отстаивая «неделимость мира» и принцип «коллективной безопасности», они не чехов или испанцев спасают, а в конечной инстанции самих себя, свою собственную страну, свою собственную свободу, свое собственное будущее, — как и будущее всего человечества.

День 4-го августа 1914 г., когда первый — но не последний! — из крупных отрядов международного социализма, германская социалдемократия капитулировала пред близоруким национализмом и отреклась от своего интернационалистического прошлого и взятых на себя моральных обязательств, считается черной датой в истории предвоенного социализма. Эта политическая бесхарактерность дорого обошлась мировому пролетариату.

Но «4-ое августа 1938 г.», трусливая капитуляция социализма перед бронированным кулаком фашизма, было бы уже не политической ошибкой, а абсолютной катастрофой, моральной смертью для мирового пролетариата.

К счастью для него и для всего человечества, наиболее крупные и решающие отряды международной социалдемократии твердо удержались на своих поистине интернационалистических позициях в эти страшные дни. Непоколебимую твердость проявила британская Лейбор-Партия, в тесном контакте с трэд-юнионами, — партия, в которой элементы примитивного пацифизма были еще недавно сильны. Заняла, после некоторых колебаний, устойчивую позицию и французская партия, что дало возможность на международном совещании в Париже констатировать полное тожество тактики английского и французского социализма. Опираясь на этот блок решающих стран, РСИ может выступать как единая, сплоченная сила. Если вторая мировая война разразится, социализм войдет в нее не расколотым, как в 1914 г., а как одушевленный единым порывом блок.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

кии, в которую они насильственно были включены, когда осуществляется присоединение Австрии к Германии, когда вообще весь Версальский договор идет на смарку, — неужели-же теперь социализм должен восставать против проведения в жизнь всего, чего он сам требовал, должен стать защитником неприкосновенности Версальскаго договора и ради его неприкосновенности рисковать войной? Не значило-ли бы это «капитулировать, после 25 лет борьбы, перед капитализмом-победителем, продиктовавшим несправедливые решения»? Не значило-ли бы это встать на защиту «тучных народов» против справедливых притязаний «народов тощих»? Нет! «Анти-фашизм, ведущий к войне, это — не наш анти-фашизм»!

Верно в этих рассуждениях то, что фашизм — и, особенно, фашизм германский — выступает в роли выполнителя велений исторической необходимости, грубо попранных Версальским миром, и в этой своей роли черпает не мало сил. Разве не ясно, какую смуту и неуверенность должен вносить в сознание масс, как германских, так и вне-германских, тот факт, что Гитлер может писать на знамени своей международной политики те лозунги: ликвидация Версаля, воссоединение Австрии, свободное самоопределение народов и т. д., под которыми так недавно еще звал эти массы на борьбу «против Версаля» международный социализм? Разве не ясно, что эти международно-политические лозунги Гитлера должны оказывать на сознание масс еще более разлагающее влияние, чем те «анти-капиталистические» лозунги, под которыми он пришел к власти и под которыми и до сих пор ведет свою внутреннюю политику?

Но что-же отсюда следует? Отсюда следует, что правы были те, кто еще в до-гитлеровскую эпоху протестовал против затушевывания **принципиальной** основы социалистической борьбы «против Версаля» во имя **практических** компромиссов, которые, по мысли их инициаторов, должны были упрочить мир хотя бы на «Версальской» основе, а на деле, как теперь все видят, лишь приближали и делали почти неизбежной самую ужасную войну: оказывается, и в ту эпоху немножко «философии» социализму отнюдь не повредило-бы! Отсюда следует, во-вторых, что социализм и сейчас ни в коем случае не должен выступать защитником исторически несостоятельного или исторически превзойденного, что **«анти-фашизм» его не должен быть ни реакционным, ни даже консервативным.** Но отсюда отнюдь не следует, что социализм может в какой-бы то ни было степени принимать и защищать те **контр-революционные** решения исторических проблем, которые дает и только может дать фашизм.

Мир Версальский или мир Берхтесгаденский? — в эту диллему неизбежно замыкается капиталистическая буржуазия, пользующаяся сейчас красивыми лозунгами самоопределения и т. п. для затушевывания перед массами истинного социально-политического смысла своего неожиданного «пацифизма», как она пользовалась ими в минувшую войну для затушевывания истинного социально-политического смыс-

А. ШТЕЙН.

Героическая борьба

Кажется, не подлежит уже сомнению, что мир начинает понимать истинную сущность тех целей, которые Гитлер преследует при своем натиске на Чехословакию. Дело тут вовсе не идет об «освобождении» яко-бы угнетенных соплеменников в Богемии и Моравии, а о расчленении и подавлении ненавистной чехословацкой республики, стоящей по дороге вновь окрепшей тяге пангерманского империализма к востоку и юго-востоку, и об окончательном уничтожении того политического равновесия в Европе, которое установилось в результате мировой войны и послевоенного развития. Кто еще в этом сомневался, тому должны были окончательно открыть глаза требования Гитлера во время его переговоров с Чемберлэном в Берхтесгадене и Годесберге и его последний ультиматум по адресу Чехословакии. Недаром его давнишний соратник Гарвин заявляет теперь возмущенно в лондонском «Обсервер», что национал-социалистическая диктатура сбросила в последние дни свою маску. Она сделала это уже давно, и только наивничающие теперь германофилы из лагеря правого крыла консервативной партии и Лондонского Сити упорно обманывали себя и весь мир, заявляя, что в претензиях Гитлера нет и следа завоевательной политики, а живо лишь стремление положить конец «подавлению» и «угнетению» немецкого меньшинства в чехословацкой республике.

Немалую роль во внезапном прозрении английского общественного мнения сыграло и интервью Гитлера в «Дейли Мейль» непосредственно после возвращения Чемберлэна из Берхтесгадена. Обнаглевший после головокружительного успеха своего нюрнбергского натиска на Англию и Францию, приведшего к капитуляции английского и французского правительства перед Берлином, национал - социалистический диктатор открыто заявил претензию на всю Богемию, в виду того, что эта страна когда-то принадлежала к «Священной Римской Империи германской нации». В виде милости Гитлер обещал дать в этой стране «автономию» чехам; так мир изменился за несколько дней благодаря капитулянтским тенденциям господствующих кругов в Англии и Франции: до 12-го сентября, дня нюрнбергской речи «фюрера», говорили лишь об «автономии» судетских немцев в Чехословакии, и сам Гитлер не посмел даже произнести в своей речи слово «плебисцит» — теперь же он открыто провозглашает себя наследником римско-германских королей 16-го и 17-го столетия и выдвигает «автономию» чехов в аннексированной немцами Богемии в центр международной дискуссии!

Гитлер, повидимому, хорошо усвоил себе тезис Наполеона I: «Хозяин Богемии будет хозяином над всей Европой». Эта мысль лежит в основе многочисленных национал-социалистических книг, брошюр и статей, в которых за последние 5-6 лет усердно разрабатывается вопрос о захвате того окаймленного горными хребтами естественного бастиона, который находится в руках Чехословакии. (Укажу для примера на книги Банзе, Маркомануса и Кребса, которыми обильно пользуется германская пропаганда). С другой стороны, этот же вопрос прекрасно освещен в брошюрах и статьях известного военного писателя, полковника чехословацкого генерального штаба Е. Моравеца (особенно в его бро-

---

ла своих призывов к войне «до победного конца». Для капиталистической буржуазии речь идет отнюдь не о предотвращении войны, которую — она хорошо сознает это — ее-же капитулянтский «пацифизм» делает все более неизбежной. Для нее речь идет о том, чтобы эту неизбежную войну, к которой она деятельно готовится, отсрочить до того момента и развязать в таких условиях, когда риск связанных с войною социально-революционных потрясений будет сведен до минимума и когда доведенные националистической агитацией до белого каления народные массы можно будет бросить в бой, весь смысл которого будет состоять в новой схватке национальных империализмов или империалистических коалиций за господство над миром. И если подготовляемая таким образом война окажется небывало кровопролитной, разрушительной и «тоталитарной», — тем хуже для одураченных народных масс!

Но дилемма: Версаль или Берхтесгаден? — ни в коем случае не существует и не может существовать для социализма, хотя бы потому, что мир Берхтесгаденский, еще более насильственный, чем мир Версальский, окажется неизбежно и еще более непрочным и еще более чреватым новыми и еще более ужасными войнами. Быть против Версаля отнюдь не значит быть за Берхтесгаден. Но быть против Версаля и за Берхтесгаден во имя «пацифизма» — это верх нелепости и ослепления. Версалю социализм противоставляет не Берхтесгаден, не фашистское, контр-революционное решение исторически назревших проблем, а революционное решение их, упирающееся, прежде всего, не в «фашизацию», а в «социализацию» Европы, «Соединенные Штаты» которой создадут достаточно просторные рамки и для действительного и свободного, а не мнимого и насильнического решения вопросов национального самоопределения.

Но для того, чтобы сделать эту социально-революционную программу путеводной звездой своей политики и в борьбе за мир, и в возможной будущей войне, надо непременно за реальностью сегодняшнего дня видеть не менее действительную реальность завтрашнего, надо рассматривать действительность не в ее неподвижности, а в ее развитии, надо, словом, иметь «философию», дающую возможность осознать переломный, социально революционный характер нашей эпохи.

Только в свете такой, социально революционной «философии» можно уяснить себе истинную социальную природу действующих на международной арене факторов и понять «капитулянтскую» политику английской и французской капиталистической буржуазии перед фашизмом, не как случайный продукт ослепления, трусости или личных настроений того или другого государственного деятеля, а как своего рода социальную закономерность. Только в свете такой «философии» можно понять сегодняшнюю политику буржуазии в ее «борьбе за мир», как прообраз той военной политики, которую она будет вести, если и когда война все-же разразится и если ей будет принадлежать руководство войною. Только прочное усвоение такой «филосо-

шюре «La' valeur stratégique de la Tschechoslovaquie pour l'Europe occidentale», которая имела большой успех в мировой печати). Кто знаком со всей этой литературой, того не удивит отчаянный натиск нацизма на Чехословакию, стоящую поперек дороги пангерманского «динамизма», но тем более удивит страшная близорукость правительств и большинства политических вождей в Англии и Франции, которые, не встав на защиту Австрии, готовы, по команде Гитлера, выдать ему ключи к важнейшей стратегической позиции в Центральной Европе, овладение которой гарантирует Германии не только гегемонию над всей Европой, но и открывает ей дорогу на Балканы, в Украину и на Ближний Восток.

Защищая богемский горный массив против захватнической политики Германии, пражское правительство отстаивает не только свободу и независимость чехословацкого народа, перенесшего несколько веков германского и венгерского господства, но и политическое равновесие Европы, гарантируемое союзами Чехословакии с Францией и Советской Россией. Вместе с интересами демократического Запада и советского Востока оно отстаивает и политическую и экономическую независимость всех народов юго-восточной Европы, которые при «ликвидации» Чехословакии неминуемо подпадут под власть германского империализма.

**
*

Только при всесторонней оценке этой европейской задачи Чехословакии в борьбе против грозящего всемогущества германского империализма возможен правильный подход к чехословацкой драме, развертывающейся на наших глазах. «*Tua res agitur*» (о твоем деле идет речь), — говорит Чехословакия западу и востоку Европы. Окруженная со всех сторон врагами, она вот уж скоро пять лет, вместе с своей целостью и независимостью, отстаивает принципы демократии и европейской культуры против бушующего кругом моря фашистского и полуфашистского варварства. В этой борьбе подавляющее большинство чехословацкого народа — и вместе с ним довольно значительное меньшинство из социалдемократов, коммунистов и демократов, об'единяющих вокруг себя, несмотря на ужасающий террор «генлейновцев», минимум 20-25% германского населения — научилось защищать свою страну не только против внешнего захвата, но и против внутренней фашизации. Это не значит, конечно, что в Чехословакии нет места для классовой борьбы; что в настоящем, как и в прошлом нет специфических недостатков буржуазно-классового государства; что атмосфера «бургфридена» проникла уже теперь в ряды пролетариата. Это значит лишь, что широкие массы чехословацкого пролетариата — и вместе с ними значительное количество полупролетарских элементов и интеллигенции — тем теснее сплачивались вокруг демократических и социалистических партий, чем больше росла со стороны Германии угроза захвата и чем яснее намечалась задача генлейновской партии не только подготовить почву для ирредентизма в судетской области, но и взорвать демократию изнутри путем привлечения чешских аграриев на свою сторону и разрушения господствующей коалиции. (Достаточно сказать, что главная работа «генлейновцев» за последние годы, наряду с фашизацией судетской области, была направлена не только на достижение полной автономии, как переходной стадии аншлусса, но и на проникновение в пражское правительство и на расторжение международных договоров Чехословакии, гарантирующих неприкосновенность страны. Эти требования ужс в январе 1937 года были пред'явлены представителем Генлейна в Лондоне, за них ратовали германофильские агенты в близких к английскому правительству кругах — как показали последние события, не без успеха!).

В этой борьбе против грозящей фашизации чешские социалисты и демократы шли рука об руку с своими

фии» может предохранить социализм от тех «пацифистских» приманок, на которые ловят его ныне, в период «борьбы за мир», его классовые враги, и от тех «бургфриденских» приманок, на которые они будут ловить его, если и когда загорится военный пожар. И только на основе такой «философии» может социализм рационально, т. е. соответственно реальным условиям нашей эпохи и потому с максимальными шансами на успех, организовать и свою борьбу за мир, и свою военную политику на случай войны.

Как уже отмечено, за последние годы Социалистический Интернационал, как впрочем и Интернационал Профессиональный, под влиянием неумолимых фактов чисто эмпирически подвинулся далеко вперед по пути рационализации своей международной политики. Но, чтобы эту рационализацию закрепить и предохранить социализм от рецидивов, которые могут оказаться роковыми для него, надо подвести под нее теоретический фундамент. Надо, наконец, сказать себе, что «теория» — не праздная игра ума и не интеллектуальное роскошество в обиходе социалистического рабочего движения, а насущнейшая и необходимая потребность, без удовлетворения которой (и об этом-то и напоминает рецидив пацифизма!) невозможна устойчивость и последовательность социалистической политики, а потому невозможен и ее успех.

Но сейчас как нельзя более очевидно и чисто-практическое значение столь нелюбимой многими практиками «философии». Ходом развития, поднявшего на своем гребне фашизм, весь мир поставлен перед угрозой самой ужасной войны, какую когда-либо знало человечество. Миллионы, десятки миллионов людей должны будут решиться своими телами, своим здоровьем, своею жизнью (о материальном благосостоянии нечего и говорить!) преградить дорогу триумфальному шествию фашизма. Могут-ли они решиться на это и может-ли социализм звать их к этому предельному самопожертвованию и самозакланию во имя отказа судетским немцам в «самоопределении» или во имя требования действительной свободы этого самоопределения, во имя сохранения существования Чехословацкой республики или даже во имя неприкосновенности установленных Версальским договором границ?

Как бы политически, юридически и морально бесспорны ни были все такого рода требования, не на их алтарь готовы будут положить свои жизни миллионы людей в мире, сверху до низу построенном на эксплуатации, угнетении, насилии, попрании всех правил морали. Если их что может подвинуть на жертвенный подвиг, то только большая идея и большая надежда. Надо им показать, что эта идея и эта надежда — идея и надежда социального освобождения трудящихся — не мираж, не иллюзия; что они коренятся в действительных условиях общественного развития; что только через революционный разгром фашизма лежит путь к освобождению; что поэтому и в том случае, если фашизм завершит круг своих преступлений перед человечеством развязыванием новой войны, революционный разгром его в этой войне должен быть основной задачей трудящихся; что, выполняя эту задачу, они

политическими единомышленниками в немецком лагере. Перед лицом общей опасности сгладились и исчезли прежние разногласия и противоречия первого периода существования чехословацкой республики. Для чехов как и для немцев укрепления на пограничных горных хребтах перестали быть символом мирных договоров 1919 г., а стали гранью, отделяющей мир фашизма от мира демократии. Под защитой этих укреплений велась отчаянная борьба против той волны застращивания, бойкота, подкупа, террора и создания националистического психоза, которая — особенно после аннексии Австрии — захлестнула судетскую область. Если в этой неравной борьбе устояло довольно значительное меньшинство, ядро рабочего класса, прошедшее через школу социалистического движения; если оно изо дня в день, несмотря на неисчислимые жертвы, отстаивало и отстаивает на последнем свободном клочке немецкой земли в Центральной Европе принципы демократии и социализма, то заслуги его перед лицом международного рабочего движения должны быть оценены не менее высоко, чем вся самоотверженная, геройская борьба чехословацкой демократии против нашествия германских завоевателей.

***

Кто знаком с напряженностью этой борьбы особенно за последние полгода, когда Гитлер шаг за шагом старался осуществить свою провозглашенную 20-го февраля программу «протектората» над «десятью миллионами немцев, живущих непосредственно у наших границ», тот поймет всю глубину отчаяния, которым была охвачена демократическая Чехословакия при известии о лондонском «плане» английского и французского правительства, насильно, под страшным нажимом, навязанном пражскому правительству. Тут играло роль не только сознание ответственности за целостность и прочность государства, которое с потерей судетских областей теряет свою естественную границу, свою с громадными жертвами воздвигнутую фортификаціонную линию, свои угольные копи и крупнейшие индустриальные округа; не только чувство долга и солидарности по отношению к демократическому и социалистическому меньшинству в судетских областях, преданному лондонским вотумом на поток и разграбление со стороны фашистских бандитов — больше всего оскорбило и глубоко задело многомиллионную массу чехословацкого народа и демократическое меньшинство самих судетских немцев то обстоятельство, что министры союзной Франции и дружественной Англии, не справившись с мнением Чехословакии, без ее участия, через голову ее ответственных представителей, испугавшись окрика Гитлера, выразили готовность не только «отдать» ему все области с немецким большинством и все укрепления союзной Чехословакии, но и расторгнуть существующие с ней договоры, разорвать, «как клочок бумаги», взятые на себя по отношению к ней обязательства. Это неслыханное во всей новейшей истории поведение показалось столь невероятным, что никто этому не хотел верить. А когда горькая правда всплыла наружу; когда послы Англии и Франции явились к Годже и Бенешу, чтобы вырвать у них согласие на ампутацию живого тела Чехословакии и на расторжение ее договоров с Францией и Советской Россией, тогда через весь народ прошла волна возмущения, размеры которой трудно себе представить. Можно лишь удивляться выдержке и моральной стойкости чехословацкого народа, благодаря которым возмущение это не вылилось в форму открытого бунта против демократии и тех ее представителей, которые готовы были бросить вернейшего союзника на произвол судьбы и собственными руками похоронить ту систему «коллективной безопасности», ту ось Париж-Прага-Москва, которая одна только за последние годы устояла перед напором фашистского «динамизма».

***

Выдержка Чехословакии и готовность ее к величайшим жертвам не только во имя интересов европейского мира, но и защиты своей свободы и независимости против завоевателя принесла свои плоды. Волна жертвенного энтузиазма, охватившего чехословацкий народ, вместе с сознанием совершенной ошибки, привела в движение самую сознательную часть народных масс в Англии и Франции. Стотысячная манифестация в Лондоне, демонстрации и протесты в Париже, волна горячей симпатии к героической борьбе чехословацкого народа во всех демократических странах заставили ответственных государственных деятелей в Англии и Франции остановиться на пути самоубийства европейской демократии. Демократический Запад начинает опять находить «свое лицо». Одновременно и советская дипломатия выходит, как будто, из состояния пас-

---

будут не Чехословакию и не Версальские границы спасать, а себя самих, свой класс, все человечество спасать от той неслыханной нищеты, того неслыханного порабощения и того неслыханного варварства, которое несет с собою фашизм — эта последняя, звериная форма вырождающегося, упадочного капитализма.

Если есть какой-либо бесспорный вывод из той удручающей картины капитулянтства перед Гитлером, свидетелями которой мы были последние недели, то это тот, что лишь социализм сможет разбить фашизм на голову, если разразится военная гроза. Если социализм этой миссии не выполнит, то или через короткое время вся Европа, а за нею и весь земной шар будут судорожно биться в оковах фашизма, или же социализм добровольно от этой миссии отречется и передоверит ее авторитарному коммунизму, который, увы, окажется скорее идеологической и политической формой поражения рабочего класса, чем формой его победы. Версаль или Берхтесгаден? Фашизм или большевизм? — вот дилеммы, перед которыми поставило бы рабочий класс всего мира банкротство демократического социализма или его добровольное отречение. Дилеммы, оба члена которых не сулят трудящимся массам и всему человечеству ничего хорошего.

Но почерпнуть и передать широким массам сознание своей великой исторической миссии, наметить пути к ее осуществлению и получить оптимистическую уверенность в возможности успеха — социализм может лишь на основе об'ективного и обобщающего анализа социального характера новой эпохи, ей свойственных форм и содержания общественной борьбы, специфических особенностей возможных на протяжении ее войн. И вот почему и в день, когда дописываются эти строки, в день 22 сентября, когда в новом свидании Чемберлена с Гитлером, быть может, будут решаться на ближайшие дни судьбы мира и войны, я не только считаю возможным говорить о «философии», но думаю, что именно сейчас, быть может, накануне войны, «философские» размышления нужны демократическому социализму более, чем когда-либо...

сивности и своим шагом по отношению к Польше дает понять, что она еще не вычеркнута из ряда активных сил, идущих на помощь Чехословакии.

Все эти признаки перелома не могли не вызвать соответствующей реакции в Чехословакии и укрепили ее в сознании необходимости продолжать начатую борьбу. Вести, идущие из Праги, говорят о готовности громадного большинства народа, жертвовать собою во имя свободы и независимости страны. В момент, когда пишутся эти строки, общая ситуация, благодаря неудаче Чемберлэна в Годесберге, ультиматуму Гитлера по адресу Праги и частичной мобилизации в Англии Франции приняла новый оборот. Мир еще может быть спасен, если союзники Чехословакии исполнят свой долг и откажутся от самоубийственной роли — быть экзекуторами страны, которая вместе с своей собственной свободой защищает будущность всей европейской демократии.

А. ЮГОВ.

О едином госбюджете 1938 года

Единый государственный бюджет, т. е. бюджет союза и союзных республик в 1938 году перевалил через 100 миллиардов рублей и выражается грандиозной цифрой в 115,3 миллиарда рублей. По сравнению с 1937 годом бюджет возрастает на 21,4 млрд. рублей, более чем на 22%. Проект, расчитывающий на такое громадное возрастание, не следует однако считать чрезмерным, так как и в предыдущие годы годичный рост бюджета был очень велик, так в 1936 году он был больше предыдущего на 20%, а в 1937 году бюджет вырос на 25,7%.

Громадный рост бюджета об'ясняется отчасти ростом хозяйства страны, а следовательно и финансов государства, но главным образом тем, что госбюджет СССР имеет—в виду хозяйственно-политической системы—неуклонную тенденцию все больше и больше охватывать всю финансовую и вообще хозяйственную жизнь страны. Не только финансовая деятельность всяких общественных организаций: государственных, муниципальныхъ, кооперативных, страховых и пр., но и вообще всякая хозяйственная деятельность в стране, вплоть до ловли рыбы в прудах и засолки огурцов в колхозах, с каждым годом все полнее охватывается государственными органами и находит свое отражение в госбюджете.

Госбюджет СССР с каждым годом перераспределяет, направляет и распоряжается все большей долей народного дохода, приближаясь к финансовому плану всего народного хозяйства. К сожалению выразить этот процесс роста в долях бюджета в отношении народного дохода — нет возможности, так как советская статистика ведется так, что народный доход обычно выражается в неизменных ценах 1926-27 г., а бюджеты в современных ценах. Но этот процесс наглядно выражается хотя бы в том, что все большая доля местных бюджетов (бюджеты городских и сельских советов) проходит, через госбюджет.

Огосударствление всех финансов страны — это один из важнейших процессов современного Союза. Централизация распоряжения госфинансами, уменьшение средств, которыми республики и местные советы распоряжаются непосредственно — тенденция весьма настойчиво проводимая органами центральной власти.

Метод, по которому значительная часть налогов и прочих доходов взималась местными органами власти, и они затем уж отчисляли определенную долю в центральный бюджет, все более вытесняется противуположным, по которому — налоги собираются финансовыми чиновниками, подчиненными центральной власти, поступают в центральную кассу государства, а затем уже в форме дотаций и отчислений частично развертываются республиканским и местным органам.

Единый бюджет возрос в 1937 году на 25%, а в 1938 г .намечается рост на 22,8%, республиканские же и местные бюджеты возросли в 1937 г. на 12%, а в 1938 г. намечается возростание их на 14,3%. В это самое время в 1937 г. лишь около 35% бюджета республик и местных советов составлялось из дотаций союзного бюджета, в 1938 г. намечается передача из союзного бюджета республиканским и местным бюджетам 17 млрд. руб., т. е. свыше 50% их общего бюджета.

Финансовая зависимость местных органов от центра делается все более определенной, и пределы их автономии все более сужаются. Все более полное охватывание всей человеческой жизни, всех многообразных функций человеческого существования государством и все большее отдаление от рядового человека органов, распоряжающихся народными финансами, — эти два явления весьма ярко отражают процесс бюрократизации Советского Союза.

Еще одно обстоятельство следует отметить, анализируя причину такого быстрого роста советского бюджета. В то время, как в других странах, где частнохозяйственная деятельность свободна от государства, государство изымает налогами, пошлинами, займами лишь часть дохода и накопления населения, их сбережения остаются вне государственного бюджета, в СССР государство — почти 100% производитель, поэтому в бюджет поступают почти полностью все результаты хозяйственной деятельности, вплоть до сумм, которые в других странах составляют частнохозяйственное накопление.

Государство ежегодно автоматически аккумулирует значительную часть народного накопления и направляет ее, согласно своему плану. То, что народное накопление не распыляется, то, что оно может быть направлено, согласно плану, в интересах не отдельных лиц и предпринимательских групп — в этом громадное преимущество, даже советской формы общественного хозяйства. На практике, из-за бесправия населения, отсутствия общественного контроля и бюрократических форм управления, положительные стороны сосредоточения в руках государства таких громадных сумм — в полной мере не проявляются. Монопольное же распоряжение государством всеми средствами страны, притом фактически бесконтрольное, увеличивает безмерно и силу диктатуры и гнет населения.

За последние пять лет советская власть неуклонно строит весь свой бюджет на изымании у населения средств помощью аппарата хозяйственных организаций государства, т. е. по существу методом универ-

сального косвенного налога. При покупке всех нужных ему товаров в лавках и магазинах государства население платит налог на оборот. Этот налог на оборот дает государству в последние годы от 70-75% всех доходов бюджета, в 1938 г. по плану он должен дать — 83,3 млрд. руб., т. е. 71,4% всей доходной части бюджета. Кроме того, хозяйственные организации должны отчислить от своих прибылей 9,6 млрд. руб. Всего, таким образом, от хозяйственных организаций и через них государство получит около 93 млрд. рублей, т. е. почти 80% всего доходного бюджета.

Все антисоциальные стороны такого метода составления доходного бюджета государства сказываются в современной России с громадной силою. Государство обложило налогом все, самые насущные продукты, вплоть до хлеба и хлебных продуктов. Ставки налога очень высоки и часто повышают цену продукта в три и пять раз, напр., сахар, чай, молочные продукты, мясо, керосин и т. п. Этот налог в равной мере распределяется и на советского вельможу, получающего по 10-12 тыс. в месяц, и на рабочего, имеющего прожиточный минимум в 300 руб. в месяц.

Этот налог дает государству возможность, пользуясь механизмом себестоимости и продажных цен изымать из населения денежные средства в потребном ему количестве и, кроме того, позволяет регулировать потребления тех или иных продуктов, в зависимости от своих плановых предположений. Третьим источником дохода являются в СССР внутренние займы. Они намечены в текущем году в размере 5,6 млрд. руб., несколько меньше, чем в 1937 г., и немного больше, чем в 1936-ом. Эти займы носят полупринудительный характер в СССР и за последние годы стали верным источником дохода, настолько обычным, что их даже перестали относить в категории чрезвычайных доходов.

В расходной части бюджет 1938 года в основном продолжает тенденции последних лет. Наибольшая сумма, 47,2 млрд. руб. ассигновывается на нужды народного хозяйства, это 40,9% всего расходного бюджета. На культурные и социальные цели из единого бюджета направляются лишь 12,1 млрд. рублей, т. е 10,6% бюджета. При этом следует учесть, что на цели образования, здравоохранение, социального страхования главные ассигновки идут по местным бюджетам Суммируя все ассигновки, можно исчислить, что на эти цели в 1938 г. предполагается ассигновать 31,4 млрд рублей, на 5 млрд. больше, чем в прошлом году.

Третьей крупной статьей расходного бюджета 1938 года являются ассигновки на нужды государственной обороны: 27 млрд. рублей. Как быстро возрастают эти расходы на военные цели можно видеть из того факта, что еще в 1934 г. расходы на оборону составляли 1,8 млрд. руб., в 1935 г. — 6,5 млрд. руб., в 1936 г. они равнялись 14,8, а в 1937 году — 20,1 млрд. рублей.

Таковы прямые ассигновки на цели гособороны. Они равняются почти 1/4 всего бюджета и по сравнению с 1935 годом возрасли более, чем в 4 раза. Каковы размеры расходования на военные цели по другим статьям бюджета, опубликованные данные не позволяют исчислить. Если судить по аналогии с прошлыми годами, то надо считать, что на оборонную промышленность ассигновывается 4-5 млрд. рублей, затем по ведомству путей сообщения, воздушного флота, морских путей и т. д. И наконец на войска и пограничные отряды находящиеся в ведении Комвнудел (ГПУ).

Таким образом имеются все основания считать, что свыше 30% всего бюджета тратится на нужды государственной обороны страны.

Конечно, если сравнить с ассигновками на военные цели, которые имеются в бюджетах 1938 г. Германии (67,3% бюджета) и Японии (79% бюджета), то расходы СССР не покажутся чрезмерными, но они намного выше не только расходов нормального советского бюджета (10-11%), но и выше чрезвычайных военных расходов 1938 г. Англии и Франции.

Революционной стране, находящейся в процессе хозяйственного строительства, только что пережившей громадное напряжение из-за выполненния двух пятилетних планов, теперь, когда только лишь замерещилась возможность удовлетворения хотя бы самых насущных нужд измученного населения, вновь приходится нести громадные жертвы из-заугрозы нападения со стороны фашистских стран. Уже бюджет прошлого года, а особенно бюджет текущего года поистине могут быть названы бюджетами военного времени!

А ведь гонка вооружений лишь только началась! И при этом Советский Союз явно является ближайшей целью вожделений своих агрессивных соседей!

Последствия «военной обстановки» уже явно сказываются и на степени гласности советских бюджетов и хозяйственно финансовых планов. Четыре последних года советская власть вновь начала было печатать государственные бюджеты, хотя и не так подробно и точно, как это делается в странах демократии, но все же так, что они позволяли некоторое сравнение и понимание основных тенденций и структуры бюджета. В этом году проект составлен поздно — лишь в августе и опубликован лишь в виде неполных таблиц, дающих только очень общее представление о характере бюджета. То обстоятельство, что такое же явление наблюдается и в отношении планов производства индустрии на 1938 г. и особенно в отношении отчетов по работе основных отраслей индустрии за 1937 и 1938 годы заставляет считать, что причина такого «секретничества» — общего характера. Мы думаем, что, помимо стремления скрыть от населения те проявления дезорганизации, которые отражаются в добросовестных планах и отчетах, основная причина — в соображениях военного порядка. Неслучайно, что кроме СССР прекратили печатать полные хозяйственные отчеты Италия, Германия и Испания.

Сейчас, когда СССР вынужден тратить громадные миллионы на военные цели, когда население вновь вынуждено подтягивать кушаки и ждать «лучших дней», как никогда необходим режим, при котором население имело бы «право» не только отдавать государству все свои сбережения, но и контролировать расходование государством народных средств. Для этого нужно раньше всего гласное обсуждение в свободном народном представительстве всех статей бюджета.

Верховный Совет дал в этом году яркое свидетельство того, что он не понимает своей ответственности перед трудящимися. Постановление об образовании комиссий и подкомиссий в союзном и республиканских советах позволяет думать, что члены бюджетных комиссий имели в своих руках более обильные материалы, чем то, что было опубликовано для сведения населения. Но ярким доказательством того, что члены советов оказались не верными избранниками народных

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

масс, посланными рассказать о нуждах и чаяньях народных, а лишь послушными ставленниками центральной власти, является тот всем известный факт, что все обсуждение бюджета свелось к полному согласию с проектом бюджета. Не раздалось ни одного слова критики, все надежды населения, все их нужды потонули в обязательном, а потому и неискреннем, славословии Сталина.

Мучительный и суровый опыт неизбежно научит советское население, что без свободного обсуждения, без полной гласности, без действительного народного контроля не может быть хороших бюджетов, не может быть хорошего финансового хозяйства, не может быть бесперебойного удовлетворения нужд населения.

С. ШВАРЦ.

Обратный ход!

(К итогам седьмого пленума ВЦСПС).

Подводя итоги шестому пленуму ВЦСПС, состоявшемуся в апреле-мае прошлого года, «Социалистический Вестник» отметил, что «в вопросах о задачах профсоюзов и о методах их организации и работы на пленуме наметился принципиальный поворот», особенно отчетливо сказавшийся в «намечающемся возвращении профсоюзов к активной роли в вопросах охраны труда и заработной платы».

> «При этом активность эта мотивируется не интересами производства, как это было характерно для всего периода советского профдвижения со времени разгрома в 1929 г. «трэд-юнионистского» руководства Томского», — читаем мы далее в «С. В.», — «а интересами «заботы о человеке», интересами рабочих, как тружеников, или точнее — о чем, конечно, трусливо умалчивается — какъ продавцев рабочей силы. Затравленный и оклеветанный Томский берет из-за могилы реванш за все несправедливо нанесенные ему обиды».

Но во второй половине 1937 г. правящая бюрократия начала понемногу приходить в себя от той растерянности, которая привела ее к 6-му пленуму ВЦСПС, а состоявшийся только что — с опозданием более, чем на год, — 7-ой пленум означал уже попытку отступления по всей линии от занятых на 6-ом пленуме позиций.

Правда, и на 6-ом пленуме отчетливо сказывалось стремление свести защиту интересов рабочих к «заботе о культурно-бытовых нуждах рабочих и служащих» в тесном смысле, т. е. в основном к защите их интересов в быту (жилище, питание, врачебная помощь, школа, спорт и т. д.), отодвигая в тень защиту их интересов на работе. Но удержаться на этой позиции оказалось невозможным, и формула о «заботе о культурно-бытовых нуждах рабочих и служащих» («важнейшее, первостепенное дело профессиональных союзов», согласно резолюции пленума) получила на пленуме очень широкое толкование и защита интересов рабочих и служащих в вопросах охраны труда и заработной платы выдвинулась почти в центр внимания пленума («Ответственнейшей областью работы профсоюзов является охрана труда», Шверник. — «Восстановить практику заключения коллективных договоров между профсоюзами и хозорганами», с тем, что главное содержание колдоговоров должны составлять «условия труда и зарплаты, а также мероприятия по охране труда и технике безопасности», — резолюция пленума).

«Руководители профсоюзов должны помнить, что профсоюзы это многомиллионная массовая организация, имеющая свои особые задачи», подчеркивала резолюция 6-го пленума. И «Вопросы Профдвижения», теоретический орган ВЦСПС, комментировали эту мысль:

> «Строить социализм, укреплять его, итти дальше по пути к коммунизму — это **задача общая** для всех организаций трудящихся СССР. **Какой же конкретный участок работы должен быть отведен профсоюзам?** Это — быт и культура, удовлетворение материальных и культурно-бытовых запросов рабочих и служащих».

Во всех этих формулировках сквозила идея об особых интересах рабочего класса, которые профсоюзы должны защищать пред лицом государственной бюрократии, идея, нашедшая такое отчетливое выражение в речах и статьях Ленина во время «дискуссия о профсоюзах» (1920-21 гг.). На этой идее строилась вся система взглядов советского трэд-юнионизма Томского, подлинного советского трэд-юнионизма, а не того чудища, которым пугают профсоюзных младенцев Шверники и Кагановичи. При всей его ограниченности советский трэд-юнионизм обеспечивал в определенных рамках создание в Советском Союзе зачатков подлинного профессионального движения. Наметившийся на 6-ом пленуме ВЦСПС (хотя и замаскированный исступленными проклятиями по адресу Томского) полу-поворот к советскому трэд-юнионизму мог бы поэтому явиться началом возрождения советского профдвижения.

В решениях 7-го пленума ВЦСПС и в статьях, их комментирующих, также постоянно повторяется мысль о «заботе о культурно-бытовых нуждах рабочих и служащих», также вновь и вновь говорится об охране труда, о восстановлении системы коллективных договоров и пр. Но звучит все это уже иначе. Ударение ставится сейчас на «активном участии профсоюзов в организации производства в интересах под'ема народного хозяйства», на «борьбе за повышение производительности труда», в порядке социально-экономического автоматизма приводящее к «матерьяльному благосостоянию трудящихся». Особенно отчетливо это сказалось на новой постановке вопроса о коллективных договорах.

Когда вопрос о восстановлении системы коллективных договоров, с 1933 г. не перезаключавшихся и фактически в Советском Союзе умерших, встал на 6-ом пленуме и был разрешен им в положительном смысле, речь шла о коллективных договорах в старом значении слова, о договорах между профсоюзами и хозорганами прежде всего об условиях труда и заработной плате («Основным содержанием колдоговоров должны быть определение условий труда, заработной платы, улучшение матерьяльно-бытовых условий членов союза, исходя из социалистического плана народного хозяйства», — комментировали постановление пленума «Вопросы Профдвижения»). Но едва выговорив эту мысль, «профсоюзное руководство» от нее отшатнулось. Проходили месяцы и месяцы, а к выработке коллективных договоров профсоюзы даже и не приступали, и когда почти через полтора года собрался 7-ой пленум ВЦСПС, оказалось, что ни один коллективный договор еще не заключен, а в подавляющем большинстве союзов не начата даже и подготовительная работа по заключению коллективных договоров.

Шверник пытался оправдать на 7-м пленуме это положение «исключительно важным обстоятельством»: «вопросы заработной платы, которые являются важнейшей частью коллективного договора, оказались настолько запутанными, что прежде чем заключать коллективные договоры, встал вопрос о необходимости упорядочения организации заработной платы». Ну и аргумент!

Ведь «упорядочение организации заработной платы» как раз и должно было быть осуществлено путем заключения коллективных договоров. В действительности от коллективных договоров, как о них говорилось на 6-ом пленуме, в тайниках «профсоюзного руководства» просто решено отказаться, но скрыть это от рабочих масс, протащив под флагом коллективных договоров нечто совсем другое.

Тот единственный коллективный договор, проект которого до сих пор выработан, колдоговор для авто-завода им. Сталина в Москве, выработанный отделом зарплаты ВЦСПС, обсуждавшийся затем в Экономическом Совете СССР, возвращенный в ВЦСПС для переработки и в ближайшем будущем подлежащий окончательному утверждению Экономическим Советом, всуе вообще именуется коллективным договором. Но дело даже не в его юридической форме, а в его содержании: «В проекте нового колдоговора упор делается на основвые вопросы, способствующие выполнению производственной программы, росту производительности труда, а отсюда и повышению благосостояния трудящихся» («Труд» от 18-го сентября). Заведующий отделом зарплаты рабочих и инженерно-технических работников Погребной пытался на пленуме поднять эту мысль на принципальную высоту: «Нам нужно в колдоговоре показать, что на предприятиях у нас один класс — это рабочий класс. Поэтому нужно указать, что на социалистическом предприятии колдоговор заключается одним классом — рабочим классом: между представителями рабочего класса в управлении социалистического предприятия и рабочими. Надо показать разницу между старым колдоговором и тем колдоговором, который мы сейчас заключаем» («Труд» от 10-го сентября). — Как далеко все это от решений 6-го пленума!

Не случайно, конечно, при такой общей установке, что профсоюзное руководство вновь начало усиленно выдвигать на первый план производственные совещания, а вопросы охраны труда фактически вновь отодвинулись в профсоюзной практике на задний план. Даже и «Труд» — в передовой, посвященной открытию 7-го пленума, — должен был констатировать, что «охрана труда и техника безопасности являются у нас одним из самых отсталых участков профсоюзной работы». Мысль эта нашла себе подтверждение в целом ряде выступлений участников пленума. Останавливаться на них в рамках настоящей статьи не представляется возможным. Но одна черта профсоюзной практики в вопросах охраны труда, ярко обнаружившаяся в этих прениях, должна быть отмечена уже сейчас. На низах призыв 6-го пленума к усилению активности в вопросах охраны труда (и социального страхования) нашел живой отклик. Шверник говорил в своем докладе о 239.000 общественных инспекторах труда и 219.000 членах комиссий по охране труда (по данным для 154 союзов — из 168 — на 1-ое января 1938 г.). Если даже отнести значительную часть этой армии за счет бюрократического пристрастия к дутым большим числам, факт пробуждения в низах общественной активности в вопросах охраны труда не может вызывать сомнений. Открытие для рабочей активности какой-то отдушины не прошло бесследно. И во многих предприятиях благодаря усилиям рабочих активистов удалось достичь заметных успехов в области охраны труда и техники безопасности. Но в целом результаты этих усилий оказываются еще минимальными, так как низовая активность парализуется часто пассивностью и безучастием в верхних звеньях профсоюзной «системы», и чем выше мы подымаемся по профсоюзной лестнице, тем суровее бюрократический холод, а на самой вершине — в отделе охраны труда ВЦСПС — всякая жизнь вообще почти останавливается. Чего стоит хотя бы сообщение на пленуме заведующей отделом охраны труда и члена президиума ВЦСПС Куркиной, что отдел охраны труда, разработав «сквозные правила» по технике безопасности, разослал их в соответственные наркоматы на заключение, «не разослав их по ЦК союзов». Это, конечно, «большая ошибка», признает Куркина, которую «необходимо исправить» («Труд» от 8-го сентября). Но до какого бюрократического окостенения должен был дойти отдел охраны труда ВЦСПС, чтобы такая «ошибка» оказалась возможной. И не является ли эта «ошибка» яркой иллюстрацией к той общей «производственной» установке, которая вновь одержала победу на верхах советского профдвижения?

Ревизия решений 6-го пленума в организационных вопросах замаскирована более тщательно. Торжественно возвещенный на 6-ом пленуме курс на «профсоюзную демократию» оффициально продолжается. На 7-ом пленуме президиум ВЦСПС предложил даже (в проекте типового устава профсоюза) пойти дальше по пути «последовательного демократизма» и ввести прямые выборы при избрании делегатов на профсоюзные с'езды и конференции. В «С. В.» уже по другому поводу (по поводу введения прямых выборов судей народом вместо выборов их советами, см. «С. В.» № 17) отмечалось, что введение прямых выборов вместо выборов от представительных органов носит в современных советских условиях не столько демократический, сколько бонапартистски-плебисцитарный характер. И что это так, что профсоюзное руководство меньше всего сейчас думает о подлинном осуществлении профсоюзной демократии, наглядно показывает другое организационное новшество, предложенное в проекте типового устава.

В постановлении 6-го пленума «об организации выборов профорганов» предписывалось применение тайного голосования на всех профсоюзных выборах. Особо подчеркивалось, что тайное голосование применяется в частности при избрании «членов фабрично-заводских и местных комитетов, членов цеховых комитетов, организаторов профсоюзных групп». Но как раз в самом близком массам звене профсоюзной системы, при избрании профгрупоргов президиум ВЦСПС предложил 7-му пленуму (в проекте типового устава) отменить тайное голосование. Неблагодарная задача обоснования этого реакционного новшества выпала на пленуме на долю Москатова:

> «**Проект устава предусматривает выборы профгрупорга открытым голосованием** на общем собрании членов профгруппы.
>
> Не противоречит ли это принципам демократии? Нет, не противоречит, товарищи!
>
> Профорганизатор непосредственно связан с рабочими, он меньше всего подвержен обволакиванию бюрократизмом или зазнайством.
>
> Другое дело, когда речь идет о выборах руководящих органов союза» и т. д. («Труд» от 15-го сентября).

Как будто тайное голосование необходимо лишь, как гарантия против зазнайства и бюрократизма (да и какая это от этих бедствий гарантия?), а не для обеспечения свободы выборов? Но никто не решился указать на пленуме на явную несостоятельность аргументации Москатова и никто не посмел возразить против отмены тайного голосования при выборах профгрупоргов.

Боязнь действительного развития профсоюзной демократии сказалась и еще в одном поразительном новшестве в проекте типового устава профсоюза. Все мы хорошо знаем, как властно компартия вершит и пра-

вит в советских профсоюзах, но никогда еще до сих пор это господство ВКП в профдвижении не закреплялось в уставах профсоюзов. Сейчас сделан этот последний шаг. «В проекте типового устава профсоюзов указывается», докладывал Москатов на пленуме (самый проект этот еще не опубликован): «что каждый профессиональный союз работает в нашей стране под руководством коммунистической партии большевиков, являющейся единственным испытанным вождем и руководителем всех трудящихся СССР в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя» («Труд» от 15-го сентября). — Даже и в тех слабых ростках профсоюзной демократии, которые вновь начали пробиваться у нас после 6-го пленума, коммунистическая бюрократия почувствовала угрозу своему господству и она спешит создать уставные гарантии для своей диктатуры над профсоюзами.

Плоскость трений внутри профессионального движения между активными элементами рабочего класса и коммунистическим «профсоюзным руководством» расширяется.

К международной дискуссии о борьбе за демократию

ГРИГОРИЙ АРОНСОН.

1.

Некоторые соображения, которые я хочу высказать по поводу и в связи с международной дискуссией по вопросу о борьбе за демократию, — было бы нецелесообразно подавать «под знаком вечности». Мне кажется вообще, что нет особенной необходимости касаться принципиальной стороны проблемы, — хотя бы потому, что в этой области в общем достигнуто благополучное единство: не только социалисты левого толка, поскольку их мнение дано в нашей среде в статье т. Дана, признают, что «без демократии нет и не может быть социализма», — но «в принципе», на словах, даже современный коммунизм совершил поворот в этом направлении, заметно расшатав устойчивость своей диктаторской идеологии. Если т. т. Гарви и Абрамович в своих статьях уделяют большое внимание принципиальному обоснованию демократии в идеологии социалистической партии, — они это делают из педагогически-политических соображений на предмет дальнейшего форсирования того процесса «чистки мозгов», которую столь успешно проводят и фашизм, и сталинизм, доказывая всякому непредубежденному человеку преимущества самой несовершенной демократии, самой обыкновенной буржуазно-ограниченной республики в сравнении с системой диктатуры, по горло залепленной кровью и грязью. Если исходить однако из того положения, что при всем различии оттенков мы все стоим в области идеологии и миросозерцания за демократию, и это делает нас демократическими социалистами, — то «гвоздем» дискуссии, следовательно, является не вопрос о принципиальном отношении к демократии, а лишь оценка возможных и вероятных перспектив, представляемых не вымышленной и идеальной, а реально-существующей, исторически-данной демократической системой, — со всеми свойственными ей по молодости лет ошибками и пороками, — и не вообще в туманной безбрежности, а сейчас в осень 1938 г. в Европе и Америке. Иначе говоря, центр тяжести дискуссии лежит в вопросе о нашей тактике внутри стран, где действует демократический режим, который приходится отстаивать от покушений справа и (еще недавно) слева. Задача сводится к тому, чтобы укрепить силы социалистических партий в их борьбе за сохранение и развитие демократии и на основе достигнутого единства ближайших целей и средств, т. е. единства тактики, обеспечить эффективность вмешательства социалистических партий в жизнь демократического государства.

2.

Иной вопрос — вопрос о путях борьбы за демократию в странах террористической диктатуры. Там, где обезкровленная социалистическая партия находится в глубоком подполье и, следовательно, чрезвычайно ограничена в своих возможностях воздействия на ход событий, — там внутреннее духовное состояние народных масс и низкий уровень общественных движений вряд ли открывает перспективу, — при отсутствии толчка извне, со стороны военной катастрофы, — перспективу революции, ниспровергающей режим, или эволюции, приводящей к его постепенному реформированию. Тов. Дан обычно подчеркивает глубокое различие «двух тактик», — одной — для стран победоносного фашизма и другой — для страны победившего сталинизма, — намечая для Германии — путь революции, а для России — путь реформирования. Как бы ни было отрадно с точки зрения русских перспектив согласиться с этим различием, — приходится признать, что оно имеет своим источником не об'ективный анализ процессов, обеспечивающих для России эволюцию режима в страну демократии, — а исключительно выражение упований и надежд людей, привычно повторяющих свои старые концепции, сейчас уже потерявшие и тень своей жизненности. Но если трудно рассчитывать на возможность реформы тоталитарных режимов, то это не значит, что там дана, как близкая и вероятная перспектива: революция. Ни о России, ни о Германии, ни об Италии (без мировой войны) никто, кроме безудержных «оффициальных революционеров», не может сказать, что там дана революционная ситуация, что там имеется сильное общественное движение против режима, что там сложились уже такие кристаллизационные центры оппозиции, которые делают актуальной проблему борьбы за демократию в этих странах. К сожалению, в странах фашизма, благодаря успехам на военно-дипломатическом фронте, режиму удается консолидироваться, и контр-революции — укрепить свою базу, — а в Сов. России, — как это вынуждены по совести констатировать и левые социалисты, — комдиктатура под ферулой демократической фразеологии завершает исторически, повидимому, предрешенный процесс своего прикровенного или откровенного фашизирования. Поэтому мне кажется, что вопрос о путях борьбы за демократию в странах диктатуры, — имеющий несомненное значение с точки зрения «чистки мозгов», лишен актуального практического характера и только условно и искусственно его можно ставить на одну доску с этой проблемой в демократических странах, где от ответа на этот вопрос непосредственно зависит судьба социализма, рабочего движения и самой демократической системы для ближайшего отрезка истории современного цивилизованного общества.

3.

Несмотря на достигнутое принципиальное единодушие в вопросе о борьбе за демократию в странах демократии, — уже первые шаги в нашей дискуссии на страницах «С. В.» вскрыли наличие довольно острых разногласий тактического характера. Мы как бы вновь возвращаемся к старым спорам, реставрируем предвзятые схемы вчерашнего дня, ворошим почтенные, хоть и революционные, предрассудки, — в которых можно найти все, что угодно, — но в которых ни политика, ни тактика, по выражению Тургенева, не ночевала. Действительно, вера во второе пришествие, романтическая вера в великую утопию, — вся эта эсхатология мировой социальной революции, несомненно не раз являлась двигателем больших народных движений, хотя не раз вводила их в заблуждение, — но можно ли самой гордой, самой буйной, самой революционной доктриной заменить «скучные пѣсни земли», — эти порой только возвышенные, но подчас непрезентабельные, крохоборческие цели и средства, на каких строится современная политическая практика в несовершенном демократическом государстве и которые составляют фон и содержание деятельности и борьбы социалистических партий?

Мы не раз являлись и являемся свидетелями бессилия, безвластия, безволия, безхарактерности демократии и во вне, и внутри пред лицом всяких и всяческих трагических проблем: социальных, политических, национальных. Мы все ощущаем наличие глубокого кризиса демократии. Критика демократии, — вернее, самокритика ее, ибо социалистические партии, профсоюзы, наши министры, парламентарии и политики являются органической частью этой демократии и, как мы видели не раз, гибнут вместе с ее гибелью, — эта самокритика демократии является систематической обязанностью демократов и социалистов. Из опыта прошлого, в частности Германии и Австрии, мы знаем, что за крушение демократии и за «попустительство» фашизму несут ответственность не только так наз. об'ективные условия, но и суб'ективные носители демократической идеи, что-то существенное упустившие в своей деятельности, в частности не заметившие рокового перелома в настроениях масс, сигнализировавшего прибли-

жение фашизма. Надо смотреть правде в глаза и признать, что немецкая демократия испытания не выдержала и сама явилась как бы питательным бульоном для своего антипода, для диктатуры. После этого всякое самолюбование и самообольщение демократии, приводящие к прекраснодушию и самообману, — может повлечь за собой самые тягостные последствия. При одном условии однако эта самокритика будет содействовать преодолению кризиса демократии, — если она останется на почве этой реально-существующей, исторически данной демократии. Уход с этой почвы явился бы для социалистической партии не прыжком ввысь, а уходом в никуда. Разрыв с демократией означал бы превращение в ничто...

Я умышленно несколько сгустил краски, идя навстречу нашей социалистической потребности в критике «дурной действительности», поскольку она получает свое выражение в современной демократии. Было бы ошибочно за ее несовершенствами не видеть огромной положительно роли демократии, сыгранной ею как раз в последнюю полосу послевоенщенствами не видеть огромной положительной роли демократии в скандинавских странах и в Чехословакии, преодоление кризиса в Англии, социальные достижения Народного Фронта во Франции, рузвельтовский опыт в Америке. В обстановке, наполненной извне и извнутри взрывчатым материалом, демократии не только удается с успехом конкуррировать с «достижениями» диктатур, но она располагает в своем балансе такими «статьями», о которых замордованное население стран диктатуры не может и мечтать. Казалось бы, для социалистов всех толков это ясно с полуслова, и в нашей среде не должна бы иметь место недооценка демократии.

4.

По мнению т. Дана, расхождения в тактике вытекают непосредственно из различного понимания переживаемой нами эпохи и оценки ее перспектив. А так как т. Дан полагает, что мы вступили в эпоху капиталистического заката и в порядке дня — борьба за непосредственную закладку основ социалистического строя, то перед лицом таких перспектив т. Дан не довольствуется задачей охраны и развития существующей, несовершенной демократии, а ставит для социалистов задачу замены ее демократией социалистической. Ту формулу, которую я выше приводил, считая, что она выражает мнение и левых социалистов: «без демократии нет и не может быть социализма», — т. Дан в дальнейшем изложении ставит на голову, утверждая, что «не может быть демократии без социализма». Иными словами тов. Дан считает, что демократия в ее нынешней фазе обречена на исчезновение, обязательно должна погибнуть и не заслуживает поддержки социалистов, если она не будет заменена социалистической демократией. Ни в какую реформу демократии т. Дан не верит, ее реформирование считает невозможным. Он ставит мир перед альтернативой: либо социалистическая демократия, либо — никакая демократия и так, собственно, и формулирует положение: или социализм, или фашизм, — третьего не дано. Нет нужды доказывать, что последовательно додуманная эта концепция, на словах, «в принципе», как бы разделяющая идеи демократии, в своей тактической рецептуре возвращает нас к постановке вопроса, характерной для раннего коммунизма: к отрицанию реально-существующей демократии во имя идеальной социалистической демократии, к реставрации в том или ином виде идеи «диктатуры пролетариата». Попытаемся применить эту концепцию к условиям, в которых социалистическая партия должна действовать.

Совершенно очевидно, что пролетариату и социалистической партии приходится намечать свою линию поведения не в безвоздушном пространстве и не в состоянии изоляции, заранее обрекающей их на поражение. Следовательно, центральным вопросом тактики является вопрос о сговоре социалистов с другими классами. На чем строит т. Дан свой рассчет об осуществимости такого сговора? Ведь для того, чтобы так наз. средние классы, крестьяне, интеллигенция, ремесленники, торговцы признали руководство социалистической партии, ее гегемонию, — они должны сочувствовать, по Дану, планам социалистических преобразований, они в сущности должны перейти от негативных и смутных антикапиталистических настроений к позитивным социалистическим воззрениям и требованиям. Хорошо, если ситуация будет именно такая. Но допустим, — и, вероятно, т. Дан сам допускает это в применении к ряду демократических стран, — что средние классы не только не будут сочувствовать социалистическим преобразованиям, но даже окажут им упорную и враждебную оппозицию. Как быть тогда? Тогда, по смыслу концепции, вместо победы социалистической демократии мы будем иметь победу фашистской диктатуры, ибо, исключая возможность дальнейшего существования буржуазной демократии, считая невозможным на ее почве вести борьбу, не желая связывать ее пределами борьбу социалистов за «гегемонию» и «руководство» в общественном движении, т. Дан, так сказать, «теоретически», собственными руками «переключает» средние классы на рельсы фашизма. Но ведь строя самые идеальные перспективы развития, политический деятель должен предвидеть не только оптимистическую версию, но и весьма вероятный провал своих тактических планов. Неужели чутье действительности настолько изменило тов. Дану, что он не видит, как вся предлагаемая им тактика, буде она была бы принята хоть одной из действующих социалистических партий, привела бы не к борьбе во имя демократии, а к дальнейшему углублению кризиса демократии? Между тем надо признать, что больше всего от кризиса демократии страдает социалистическая партия. Если верно, что «без демократии нет и не может быть социализма», то это верно только в одном простом смысле: удар по существующей демократии всегда является ударом и по социализму, независимо от тех идеальных побуждений, которыми руководствуется наносящий этот удар. Лучшее часто бывает врагом хорошего. И эта пословица вполне применима к тактической схеме, в которой роковая роль «лучшего» отведена идее социалистической демократии, противопоставляемой буржуазной демократии.

5.

После всяческих эмоциональных и теоретических взлетов мы вновь возвращаемся к вопросу, который единственно может интересовать действующие социалистические партии: к вопросу о защите существующей демократии. Обоснование этой проблемы дано исчерпывающим образом в статьях т. т. Абрамовича и Гарви. Мне кажется особенно существенным то, что в обеих статьях определена сущность демократии в политическом и социальном разрезе, как идея компромисса. Чрезвычайно важно внесение ясности в социалистическое сознание именно в этом пункте, ибо только тогда без всяких двусмысленностей мы будем знать и понимать, что такое демократия, каковы ее возможности и пределы и в чем ее преимущества перед диктатурой, если не будем упускать из виду, что в основе демократии лежит идея сговора, соглашения, компромисса между различными классами и партиями, — между пролетариатом и средними классами. Без такого компромисса, политическим выражением которого во власти является коалиция, немыслимо существование демократической системы. Тот, кто отрицает идею компромисса и идею коалиции, или обставляет их такими оговорками, которые фактически парализуют возможность сговора и взаимных уступок; тот, кто навязывает свою «гегемонию» и «руководство» и не отказывается от «борьбы за власть» (для своего класса), — тот логически и политически толкает развитие к диктатуре. Поскольку в международной дискуссии о демократии эти предложения вносятся со стороны русских социалистов, невольно в памяти возникают образы прошлого. Плеханов в «Русском рабочем в революционном движении» рассказывал о том времени, как бакунисты учили русских рабочих презирать «буржуазные» политические права и «буржуазную» свободу и как рабочие (Халтурин и др.), считавшие себя западниками и мечтавшие о политической свободе в России, отнеслись к этой проповеди. Наблюдая новейший фазис скитаний русской социалистической мысли, я склонен думать, что в недооценке буржуазной демократии виновата не только иллюзорная оценка эпохи, но также и неумирающая российская отсебятина, из лап которой многие из нас никак не могут освободиться...

ИЗ ПАРТИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ РСДРП.

27 сентября З. Д. собралась на заседание, посвященное вопросам, связанным с все наростающею военною опасностью. В заседании приняли участие все члены З. Д. кроме т. Николаевского, находящегося в от'езде.

Приняв решения по ряду вопросов организационного характера, З. Д. **единогласно** приняла напечатанное во главе настоящего номера **обращение к членам партии.**

З. Д. обратилась кроме того 1) с **письмом к французской социалистической партии,** осведомляющим ее о своем решении организовать в контакте и по указанию французских товарищей обслуживание военных надобностей русскими социалдемократами, и 2) с **письмом к эмигрантским организациям других социалистических партий,** предлагающим образование координационного комитета для разрешения ряда практических вопросов, общих всей социалистической эмиграции.

Наконец, З. Д. послала телеграфное **приветствие и выражение солидарности чешским с. д. и немецкой с. д.-тии в Чехословакии.**

Le Gérant : Paul Colliette

Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris